

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

СТАРАЯ СКАЗКА

Павел Комарницкий

Старая сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818935

Аннотация

В небольшой разрушенный войной городок возвращается с фронта молодой солдат, надеясь найти свою невесту. Но девушка погибла, и кажется, ничто уже не может изменить судьбу. Однако маленькая вещица, которую солдат привёз из Германии, полагая, что это всего лишь хитроумная зажигалка, меняет всё, и выясняется, что не всегда погибшие уходят безвозвратно.

А заодно оказывается, что старинные сказки про эльфов содержат немалую долю истины...

Павел Комарницкий

Старая сказка

– Станция! Кто спрашивал, эй, мужики?

Иван встрепелулся, схватил свой выдавший виды солдатский «сидор». Чуть не проспал, надо же. Так ждал, не мог заснуть всю ночь, и вот...

– Я спрашивал, я! Посторонись, мужики... Ну все, бывайте!

Воинский эшелон шел мимо станции, тяжело громяхая на стыках, лишь немного сбавив ход. Иван повис на подножке «теплушки», примерился, широким взмахом закинул свое имущество и прыгнул сам на проплывающий мимо перрон станции, сделав короткую пробежку, едва устояв на ногах.

Поезд, будто сбросив тяжкую ношу, начал набирать ход. Вагоны, все учащая перестук колес, пролетали один за другим. Вот последний вагон, грузовой «пульман» довоенной постройки, прогрохотал мимо, и долгий, прощальный гудок паровоза заглушил удаляющийся перестук колес.

Иван поднял «сидор», глухо брякнувший пожитками, отряхнул. Постоял, осматриваясь. Да, городку, видать, досталось. Вокзал сгорел начисто...

Иван вздохнул, поправил на плече лямку «сидора» и зашагал в город. Или что там от него осталось...

* * *

Он шел по городу своего детства.

Собственно, детство как таковое Иван помнил смутно. Ведь детство – это когда утром тебя будит ласковый материнский голос: «Ваня, вставай-ко, петушок пропел давно». И когда отец, усмехаясь в пшеничные усы, ерошит твою голову: «Зарос совсем, пора уже пообкорнать патлы-то». И крынка с парным молоком...

Очень коротким было Иваново детство.

Иван помнит – в тесной горенке полно людей. Особенно выделяется один – высокий, уверенный, перетянутый ремнями поверх потертой кожаной куртки. Блестят хромовые сапоги, блестят бляхи и пуговицы, и особенно пряжка ремня. Ваня загляделся на блеск цацек.

«Ну что, допрыгался, подкулачник хренов?»

И детство кончилось.

Потом был детский дом, казенные серые одеяла на казенных железных кроватях, стоящих в два ряда. Настоящая взрослая жизнь, в которую вбросили лопоухого пацана, не очень ровно обстриженного овечьими ножницами – успел-таки отец.

И все же Иван считал этот городок городом своего детства. Родным городом, что ли. Ведь именно здесь он встретил Машу.

... Она стояла возле кинотеатра, глядя на афишу из-под руки, чуть прищурившись – смотрела против солнца. С афиши простирали свою длань закованный в кольчугу Александр Невский.

«Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» – неожиданно для себя самого продекламировал Ваня.

Девчонка обернулась, прищурилась еще сильнее, слегка склонив голову набок. Иван вдруг почувствовал, как у него забилося сердце.

«А что, ты не согласен?» – улыбнулась девчонка, встряхивая коротко остриженной челкой.

«Согласен...» – неожиданно севшим голосом выговорил Иван.

Потом они гуляли по тесным улочкам, застроенными в основном одноэтажными домами, и он подпрыгивал, чтобы сорвать висящие из-за глухого дощатого забора яблоки. Маша смеялась: «У тебя сколько по физкультуре? Мало каши ел!» «Сколько положат, столько и ем» – неожиданно грубо ответил Иван. Смех погас, и зеленые глаза смотрят в самую душу. «Прости, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть. Ну вот ни на столько» – и она показала мизинчик. И снова забилося сердце. «Да ладно...». А она уже закусила губу, озоровато стрельнула глазами направо-налево – прохожих нет. «Ну-ка, подсади меня» «Как?» – Ивана бросило в жар. «Да быстрее же, ну!»

Иван обхватил ее голые ноги, зажмурившись, поднял. Гладкие, упругие девичьи бедра переливались в его ладонях, он отвернулся, чтобы не упираться лицом в низ ее живота, но все равно...

«А вот я вас, холера задери!» – раздались торопливые шаркающие шаги во дворе дома.

«Ходу!» – и они побежали, давась от смеха, и Маша на бегу старалась удержать экспроприированные яблоки.

Потом они сидели на обломанной скамейке в чахлом скверике у Дома Культуры, где среди зарослей сирени и акации грустно коротал свой век бюст Александра Сергеевича Пушкина, с отбитым носом.

«...Так ты интернатовский?» «Ну...» «А я домашняя» – странно, но Иван совсем не чувствовал обиды. Маменькиных сынков и дочек в интернате недолюбливали, если не сказать больше. И в то же время завидовали.

«А яблоки тыришь не хуже наших пацанов» – он взял у нее с коленей яблоко, откусил.

«Поду-умаешь, профессия» – фыркнула девчонка – «Вот на тот год закончу школу, и пойду в летное училище. Я летчицей стану, не веришь? Я и в аэроклуб хожу»

«Верю» – охотно согласился Иван. Как можно ей не верить? «Слушай, и я тоже думал в летное... Я тоже на тот год заканчиваю» «Ну и отлично. Стало быть, полетим вместе!» – и она засмеялась.

* * *

– Товарищ старший сержант, угостите девушку спичкой – Ивана вывел из задумчивости приятный женский голос. Очень красивый голос. Он обернулся.

Обладательница красивого голоса оказалась вполне соответствующей своему голосу. Даже более чем. Стройная высокая девушка, в зеленом дорожном платье и черных туфельках, с гладко зачесанными каштановыми волосами, собранными сзади в тугую, могучий узел. Наверное, если в косу увязать эти волосы – до колен коса будет, и в руку толщиной, мельком подумал Иван. На точеном, каком-то чуть прозрачном лице – «алебастровое», откуда-то всплыло неожиданное слово – выжидательно смотрели на Ивана громадные лазурные глаза, над которыми чуть выгибались тонкие брови. В длинных тонких пальцах девушка вертела трофейную сигарету.

– Что с вами, товарищ старший сержант? – в глазах и голосе проклюнулась насмешка – Сказываются последствия боевой контузии?

– Чего? – очнулся наконец Иван.

– Речь шла о спичке – еще более насмешливо напомнила девушка.

Иван молча, не спеша достал коробок спичек. Как положено кавалеру, чиркнул, поднес огонек к кончику сигареты – девушка затянулась. Теперь Иван рассмотрел ее губы – ярко-розовые, нежные, идеально очерченные. Подкрашенные? Да вроде нет... Ерунда, не может быть таких губ у нормальной советской девушки. Или все-таки может?

– Что же вы, товарищ старший сержант, не обзавелись приличной зажигалкой? Фрицы не дали, или сами не взяли?

Вопрос в точку. К концу войны мода на трофейные зажигалки стала прямо-таки повальной, и отсутствие у бойца Советской Армии оной означало, что ты либо тыловая крыса без всякого влияния (иначе выменял бы зажигалку у кого-нибудь, «махнул не глядя»), либо совсем зеленый пацан, так и не доехавший до фронта.

– А я, гражданочка, не любитель по карманам у мертвяков шарить – неожиданно грубо ответил Иван. Девушка от неожиданности закашлялась.

– Прошу прощения, товарищ старший сержант, я ни в коей мере не хотела вас обидеть. Всего лишь попросила прикурить.

Иван почувствовал неловкость. Чего он так на нее, в самом деле.

– Да есть зажигалка, только не работает чего-то...

– Мне всегда казалось, что починить зажигалку для бойца – сущий пустяк. Неужели настолько сложная система?

Ну чего привязалась? Далась ей эта зажигалка... Впрочем, надо же ей что-то говорить, если хочется подцепить парня. Да, война... До войны у девушки с такими данными была бы совсем другая проблема – как отбиться от полчищ назойливых ухажеров.

И вдруг Ивану и в самом деле страшно захотелось похвастаться своей зажигалкой. Действительно – вещь!

Иван развязал «сидор», запустил руку в нутро. Да где же... Ага, вот! Он нашарил маленький сверток, достал его, развернул.

– Видала такую систему, красавица?

Да, на эту зажигалочку стоило посмотреть. Литая, тяжелая фигурка, напоминающая крупного оловянного солдатика. Только не олово – какой-то тяжелый серебристый металл. И уж точно не солдатик. Скорее король какой-то, в крохотной сверкающей короне, мастерски сработанной из кроваво-красных камней. Каких камней, Иван не знал, так как в этом деле ни черта не смыслил. Но работа тонкая, что и говорить – даже лицо короля было проработано так тщательно, что казалось – еще чуть, и крохотная фигурка оживет.

... Они проникли в подвал через здоровенный пролом, сделанный, очевидно, тяжелым снарядом – над столицей Третьего Рейха неумолчно грохотала канонада. В подвале разрушенного здания, архитектурный стиль и даже количество этажей которого теперь было невозможно угадать, среди битого бетона и обломков роскошной мебели (Надо же, фашисты – у нас такая мебель в приемной секретаря обкома стоит, а тут в подвале) валялись трупы. Немецкий офицер в черном эсэсовском кожаном плаще лежал, неподвижно глядя в пролом стеклянным взглядом. В руке фашист намертво зажал, как самое дорогое в жизни, зажигалку.

– Ну чего там, Вань? – за спиной в проломе возник Сашка, бессменный его боевой друг-товарищ, с которым они топали от самой Волги. Только двое и осталось...

– Ух ты, глянь, Ванька, какого зверя завалили! Зондерфюрер СС, ни много ни мало.

Но это Иван разглядел уже и сам.

– Видал я их, всяких фюреров... Главного бы завалить, вот было бы дело.

– Завалим, дай срок, недолго осталось! А это что? Гляди-ка, не дали Гансу покурить перед смертью.

Сашка ловко вытянул зажигалку из мертвой руки, повертел.

– Едрить-тудить, тонкая работа. Вань, гляди – вылитый король. Какой-то ихний Зигфрид, не иначе.

– С чего решил?

– А чего, сам не видишь?

Сашка достал кисет, ловко свернул самокрутку. Поднес к лицу зажигалку, начал крутить-вертеть, нажимать на разные места.

– Да что у этих фашистов все не как у людей?

– Чего, Саня, очки не действуют никак?

– Сам ты макака!

Кроваво-красная корона на голове «короля» мигнула. Самокрутка вдруг вспыхнула целиком, опалив Сашке ресницы и брови. Он выронил самокрутку, закашлялся, трясая головой.

– Газовая. Слыхал я про такие штуковины. Ну ее к бесу.

Он протянул зажигалку Ивану.

– Держи. Дарю от большого и чистого сердца. Война кончится, разъедемся мы по домам, и вот однажды в осенний вечер...

– Середа, Батурин – какого х...! – в проломе возникла каска старлея...

... И только тут Иван удосужился взглянуть на девушку. Глаза, и без того огромные, теперь занимали добрую половину лица. Девушка не отрывала глаз от безделушки, лежащей на ладони Ивана, и грудь ее вздымалась глубоко и часто. Иван почувствовал, как по телу поползли мурашки. Чокнутая. Или контуженная. Сейчас припадок будет... Эх, жалость какая, такая девушка...

– Что с вами, гражданочка? Последствия?.. – вернул шуточку Иван.

Но девушка уже взяла себя в руки. Нет, непохожа она на сумасшедшую.

– Как вас зовут, молодой человек?

Хм, «молодой человек»... Сама-то не больно старуха...

– Меня зовут Иван – с расстановкой произнес Иван. – Иван Семенович.

– А меня Тамара. Вот что, Иван...гм...Семенович. У вас найдется пара минут для разговора?

Иван усмехнулся. До чего война доводит – вот так, прямо на улице, клеить прохожего солдата...

– Нет, Тамара. У меня невеста есть. Извини, ничем помочь не могу.

Глаза Тамары стали сосредоточенно-напряженными.

– Я вовсе не принуждаю вас к сожительству, дорогой Иван Семенович. У меня к вам будет деловой разговор.

* * *

– ...Нет. Не продажная вещь. Разговор окончен.

Иван повернулся и зашагал прочь, испытывая сильнейшее разочарование и обиду. Надо же, такая красивая девушка – и спекулянтка. Продай ей зажигалку... Как можно продать подарок друга? Ведь в тот день Сашка покурив в последний раз...

Поворачивая в проулок, Иван еще раз мельком взглянул назад. Девушка стояла, привалившись к дощатому покосившемуся забору, как будто разговор с Иваном высосал из нее все силы. На лице была написана такая усталость, граничащая с отчаянием, что Ивану даже стало ее жаль. Неужели и впрямь расстроилась из-за какой-то там безделушки? Мещанка...

Но Иван уже и сам понимал, что врет самому себе. Какая там мещанка! Достаточно раз взглянуть в ее лицо. Наверняка дворянка в седьмом колене, графиня какая-нибудь, из бывших... Может, верно, папенькина фамильная вещь? Ну и пес с ней!

Иван встряхнулся, разрушая наваждение чуждой, неземной красоты, и зашагал прочь.

Он шагал по улицам разоренного города, мимо щербатых провалов разрушенных, обгорелых домов, перепрыгивая через лужи и небрежно засыпанные щебнем воронки. Скорее, скорее!

... А потом была зима, и они катались на коньках на неровно залитом катке. Он все время падал, так как не умел толком, да и коньки, взятые в прокате, имели ботинки на три размера больше – других просто не было. У Маши коньки были свои, новенькие и аккуратные, и держалась на льду она гораздо свободнее. «Опять вынужденная посадка?» – смеялась

она, глядя, как Иван в очередной раз рушится на лед. «Ты будешь полярным летчиком, теперь уже без всяких сомнений. Во всяком случае, посадку на лед ты уже освоил». Иван молча сопел, поднимаясь, и вдруг его щеки коснулась рука. Он поднял взгляд и поймал встречный. В зеленых глазах не было ни капли смеха.

«Больно?»

А потом была весна. Буйно цвели яблони, только что отгремела весенняя гроза, и они прыгали по островкам в лужах, засыпанных белыми лепестками. «Еще три экзамена, и порядок. Можно паковать вещи. Ты как, не раздумал летать?» – тот она наконец промахнулась, подняв тучу брызг – «Вот зараза, мое новое платье!»

Он смотрел, как она отряхивается, и ворочал в непривычно гулкой пустой голове: еще три экзамена, и можно паковать вещи... Возьмут, не возьмут в летное училище... Сердце вдруг защемило от... от чего? От предчувствия близкой разлуки? Ерунда, как это их можно разлучить? Кто это их посмеет разлучить? Бред!

«Замуж пойдешь за безродного?» – вдруг спросил он. Она перестала отряхиваться, выпрямилась. В зеленых глазах ни капли смеха.

«Позовешь – пойду»

А потом было солнечное воскресное утро 22 июня 1941 года.

«От Советского Информбюро...»

... Они завалились в военкомат всей толпой. Военком, поводя мощными буденновскими усами, дождался, пока стихнут возгласы. «Все высказались? Теперь слушайте, что я вам скажу. Кто думает, что на войне треба тильки солдаты, глубоко ошибается» – он вдруг посуровел – «А робить кто буде? Кто снаряды будет делать, патроны, винтовки? Те же танки и самолеты? Паровозы водить кто буде?» – он треснул кулаком по столу – «Що буде, коли каждый солдат себе сам буде место выбирать – где хочу, там воюю?» Военком оглядел попри- тихших ребят «Вот что я вам скажу, хлопцы. Ваше от вас не уйдет... Будемо гутарить прямо, война началась не очень ловко, так что протянется, должно, с год, а то и боле. А пока сби- райтесь, принято решение об эвакуации вашего детдома-интерната, значит, на Урал» «Как на Урал?» «Да вот так! И разговорчики мне тут! Будете робить, там сейчас рабочие руки ой как нужны. Все, свободны! Исполнять!»...

... «Нас завтра увозят на Урал куда-то. Говорят, работать надо, на заводах рук нехватка большая. И не откажешься, сейчас война, по законам военного времени знаешь... Дождешься меня?»

Зеленые глаза близко-близко.

«Немцы Минск взяли»...

* * *

– Бабушка, не подскажите, Гнутовы не здесь проживают? В этом доме до войны они жили...

Сухонькая старушка, возившаяся в огороде, с усилием распрямилась.

– А ты кем им будешь?

– Жених Машин – твердо выговорил Иван.

– Эх, солдат... – старуха зашмыгала – Нету их никого. Отец у них коммунист был, сразу, как немчура понаехала, в партизаны подался, ну а семьи партизан, сам знаешь... Убили их фашисты проклятые. Повесили вдвоем с матерью, как раз под Новый Год. А после и отца убили где-то.

Иван стоял, боясь пошевелиться, понимая, что стоит ему шагнуть – и он повалится, как подрубленный.

– Где схоронили? – услышал он чужой, посторонний голос. Разве это его голос?

Старушка поколебалась, потом решительно скинула фартук и двинулась к калитке, на ходу подхватив прислоненную к забору палку.

– Пойдем, солдат, покажу ихнюю могилку. Уж ты не обессудь, они обе в одной...

* * *

Иван стоял возле неприметного холмика, обложенного дерном. На толстой доске была приколочена жестяная пятиконечная звезда, уже слегка поржавевшая. Ниже на фанерке было выведено черной краской «Гнутова Елизавета Максимовна – 1901-1941» «Гнутова Мария Алексеевна – 1924-1941» Фанерка выделялась светлым тоном – очевидно, прибили не так давно. Вот и все...

Он не помнил, как долго стоял возле могилы. Он не помнил, как оказался на той самой скамейке в том скверике, где грустный Пушкин уныло отбывал свой срок в зарослях акации и сирени. Теперь кусты были еще гуще, зато приземистей. Иван пригляделся – молодая поросль лезла из земли, забивая старые пеньки. Очевидно, немцы в свое время вырубili здесь кусты, опасаясь партизан. И Пушкин уцелел, только еще сильнее облутился. И даже скамейка сохранилась, надо же. А ее нет.

Солнце садилось, и надо было думать, что делать дальше. А собственно, чего ему тут делать дальше? Пребывание в этом городке потеряло для него отныне всякий смысл...

– Ну что, Иван Семенович, Земля и вправду круглая? И мир тесен?

Перед ним стояла все та же красotka в темно-зеленом дорожном платье и черных туфельках. Впрочем, не стоит лукавить: не красotka – красавица. Вот только красота эта... Ну, неземная – лучше не скажешь. И даже немного боязно подумать, как с такой можно взять и лечь в постель...

– Девушка, ну зачем вам за мной шпионить? Я уже сказал – вещь не продажная...

– Да ладно, ладно. Не хотите, как хотите. Но не ночевать же вам на улице из-за несостоявшейся сделки?

Да, тут она нанесла Ивану мощный контрудар. И нечем ответить. Ночевать, конечно, можно и на этой вот лавке...

– Да, ночевать, конечно, можно и на этой вот лавке, но смысл? Даже если вы решили уехать, первый поезд будет только завтра после обеда.

Она решительно встала, ухватив его за рукав. Вырываться было бы очень глупо.

– Идемте, тут недалеко. Будете спать в тепле и уюте. Со своей стороны я обещаю, что не буду пытаться обесчестить и лишити невинности товарища старшего сержанта. Зато у нас дома есть вкусный куриный суп.

Иван почувствовал раздражение. Куриный суп... Тут вся страна на карточках сидит, а у нее, видите ли, куриный суп...

Лазурные глаза серьезны донельзя.

– Понимаю ваше раздражение, товарищ старший сержант. Пока вся страна, как один человек, сидит на карточках... Но что делать, если она уже погибла?

– Кто? – тупо спросил Иван вдруг севшим голосом. Как ноет сердце...

– Курица, кто же еще. Соглашайтесь, уважаемый Иван Семенович...

– Знаете что, мадам, катитесь вы колбасой!

Она отдернула руку, как от удара плетью. Прекрасные лазурные глаза налились жестким светом.

– Это ваше последнее слово?

– Могу добавить, если тебе недостаточно – окончательно взъярился Иван, отрезая себе всякие пути к отступлению. Как ноет сердце... – Катись, сказал!

– Хам!!!

Словно в лоб Ивану вlepили пулю из «парабеллума». Мир вокруг завертелся и погас.

* * *

Иван очнулся сразу, как вынырнул из воды. Он сидел в мягком кожаном кресле, запрокинув голову на высокую спинку.

– Как ваше самочувствие, дорогой Иван Семенович? – сочувственно спросил мягкий мужской баритон.

Иван повернул голову. Справа от него стоял парень, по виду лет восемнадцати-девятнадцати, не больше. Тонкое, точеное лицо, словно вылепленное из алебаstra. Кожа, как у девушки... Сопляк, маменькин сынок, не нюхавший фронта. Даром что накачан.

– Не надо. Не надо начинать с оскорблений. Вам еще никто ничего плохого не сделал – вмешался другой голос, женский.

Тут Иван заметил и другую фигуру. И онемел.

Перед ним сидела женщина. Нет, нет, не просто женщина – дама столь ослепительной красоты, что выразить словами было просто невозможно. Если и существует в мире абсолютная красота, то вот она – вихрем пронеслось в голове у Ивана.

И тут его как поленом по голове. Постой-постой...

Он не произнес ни слова. Он не издал ни звука. Как она узнала?

Он вдруг вспомнил разговор на лавочке с этой... прекрасной сукой. Да, да, точно – она же слово в слово повторяла мысли, звучавшие у него в голове, будто издевалась. Ну и ну...

Изумрудные глаза прекрасной дамы смотрят спокойно и мудро.

– Верно. Мы умеем читать мысли.

«Кто это мы?»

– Мы – это мы. Вы слышали что-либо об эльфах?

– Каких эльфах? – у Ивана прорезался голос.

– Не слышали... Тем лучше.

– Где я?

Дама улыбнулась.

– В гостях. Или вам достаточно названия города?

Иван встал. Ладно, мадам. Погостили, и будет.

Краем глаза Иван заметил, как стоявший справа лохотный юноша сделал мгновенно-неуловимое движение. Ужасная, неборимая слабость охватила сержанта с головы до пят, и он рухнул в кресло, судорожно хватая ртом воздух.

Дама улыбалась грустно, сочувствующе.

– Вынуждена напомнить вам, дорогой Иван Семенович, что аудиенция не закончена.

– Да пошла ты!..

Улыбка сползла с прекрасного лица дамы.

– Почему ты так агрессивен? Что тебе сделали плохого, что ты кидаешься, как голодная гадюка, и шипишь вместо связной речи?

– По какому праву меня сюда притащили?

Дама смотрела непроницаемо.

– В какой-то мере ты прав. Но что было делать? Тамиона приглашала тебя по-хорошему, но ты не внял.

Тамиона... Тамиона... Это та самая прекрасная Тамара, что ли? Так это, выходит, она меня чем-то... Ну, сука!

– Прекрати! – дама смотрела холодно – Хватит! От твоих мыслей несет, как от перестоявшегося помойного ведра. Немедленно возьми себя в руки!

– Чего вам надо? – прохрипел Иван.

– Наконец-то. Первые членораздельные слова. Мне очень жаль, что так вышло, но виноват в этом ты и только ты. Будем считать, что ты наказан за хамство.

Иван уже понял, что нахрапом лезть не стоит. Ладно, потерпим...

– Чего надо? – вновь повторил он, косясь на застывшую фигуру справа сзади. Ишь как... Значит, так – резко правой наотмашь по яйцам... Нет, не достать...

– Не надо. Будет очень больно – невозмутимо-насмешливо сказал стоявший парень – тебе больно, не мне.

– Нет, ты совершенно невменяем – вдруг рассмеялась дама – Боюсь, сегодня разговора не получится. Спокойной ночи!

Мир в глазах Ивана опять завертелся колесом и погас.

* * *

Иван проснулся с ощущением – выспался. Пальцы ощутили жесткий край байкового одеяла, под головой – настоящая подушка, в наволочке. Открыл глаза. Он лежал одетый, в гимнастерке и галифе, поверх застеленной серым байковым одеялом кровати. Вот только босиком, и сапог поблизости не наблюдалось. Иван повел глазами, огляделся. Высокий потолок со следами небрежной побелки. В подслеповатое окно бил солнечный свет. Должно быть, уже давно утро.

Где он?

Вчерашнее вернулось рывком. Он в банде.

Иван встал, бесшумно скользнул к окну. Рама хлипкая, вылетит с одного хорошего удара. Вот только окошко низенькое и узкое, не окно – амбразура какая-то. Ничего, пролезем...

Дверь отворилась. Вчерашний молокосос стоял в проеме двери.

– Выспался? Пойдем, тебя хочет видеть королева.

Ивану стало смешно. Королева, надо же... У этих урок прямо мания величия. Всякая маруха...

Страшная боль пронзила внутренности Ивана. Он рухнул на пол, судорожно хватая воздух открытым ртом.

– Я вижу, человек, ты никак не уймешься. Не твоим кроличьим мозгам оценивать величие королевы Элоры. Но относиться к ней с почтением ты должен. И будешь, я тебя уверяю. Каждый раз, как ты сделаешь попытку хотя бы в мыслях оскорбить королеву, ты будешь наказан, причем с каждым разом все сильнее. Ты понял меня?

– Пошел ты... сволочь...

Теперь Иван чувствовал себя так, будто через него протекал ток высокого напряжения. Его буквально крючило. В глазах вертелись огненные круги. Еще чуть, и сдохну, пронеслось в голове. Нет, так не пойдет. Стоило брат Берлин?

– Ответ неверный. Ты понял меня?

– По...нял...

Боль исчезла, осталась только страшная слабость.

– Хорошо. Будем надеяться, это в последний раз. Вставай, тебя ждет королева.

* * *

Они вошли во вчерашнюю комнату – впереди Иван, за ним его конвоир. Иван обалдело разинул рот. В обстановке помещения за ночь произошли разительные перемены.

В большой комнате сияли все те же круглые плафоны-шары, но вот убранство... Мягкие диваны, обитые светло-желтой кожей, стены, покрытые узорчатым мрамором и мала-

хитом, разделенными узенькими золотыми багетами, расписной потолок. Откуда?! Нет, это невозможно – за ночь так отделать помещение... Да что же это такое?!

Но это было не все. Посреди залы – комнатой назвать подобное помещение не поворачивался язык – стоял длинный стол, заставленный снедью. При ее виде Иван сглотнул слюну, разом ощутив, что со вчерашнего дня у него во рту не было маковой росинки.

Да-а... Розовая лососина... Сливочное масло в масленке... Апельсины... Икра... Вся страна сидит на карточках, дети голодают, а тут...

– Ты всерьез полагаешь, что это все попало бы вашим детям?

За столом сидела вся банда в сборе.

Во главе стола, как и вчера, восседала дама ослепительной красоты. Как ее... Королева Элора? Она была одета в белоснежный пеньюар с какими-то розовыми цветами и серебряной вышивкой. Изумрудные глаза скользнули по нему, внимательно впились в глаза Ивана – Иван с трудом опустил взгляд, ему показалось, что...

У двери расположились двое. Сразу видно, из одной семейки – те же тонкие, изнеженные черты лица, те же глазки. Еще и кудряшки отрастили! Сели так вроде бы привольно, но Ивану доводилось ходить в разведку, и он сразу оценил – эти двое контролируют выход, причем вполне грамотно.

А прямо напротив него сидела вчерашняя знакомая. Суки прекрасные...

Ивану показалось, что в мочевого пузыря ему залили расплавленный свинец. В глазах было темно и багрово, и только краем ускользающего сознания он улавливал чей-то истощенный визг.

Пелена медленно рассасывалась, и сержант обнаружил себя валяющимся на полу. Ледяной пот катил по лицу, все тело будто из мокрой ваты...

– Я тебя предупреждал.

– Да пошел ты! Гад! Фашист!

– Оставь его, Киннор – устало сказала королева Элора – это бессмысленно. Иван Семенович Середа – старший сержант Рабоче-Крестьянской Красной Армии, он лично убил семнадцать себе подобных и послал на смерть минимум троих своих товарищей. Поэтому он абсолютно уверен в своей правоте, и соответственно в нашей неправоте, причем уверен заранее, даже не вникая в суть дела.

– Какого дела? – прохрипел Иван.

Сильные гибкие пальцы схватили старшего сержанта Рабоче-Крестьянской Красной Армии за загривок, подняли, предварительно хорошенько встряхнув, и швырнули в глубокое кресло. Как нашкодившего котенка, понимаешь...

– А ты полагаешь, мы занимаемся тобой исключительно из желания лицеизреть твой прекрасный облик (вчерашняя знакомая – Тамиона, вроде? – подавила смехок) и слушать твои благородные и мудрые речи (в этом месте заулыбались все)? – спросила королева – В твоих руках находится один предмет, который нам нужен.

Иван понял. Вот оно что... Им нужна зажигалка!

– Это не зажигалка. Это Ключ.

– Какой Ключ?

– Надо ли тебе знать, вот вопрос...

Иван пожал плечами.

– Не хотите, не рассказывайте. И вообще, я не вижу здесь препятствий. Я в ваших руках, вы можете взять все, что хотите, без моего согласия.

Королева улыбнулась печально.

– В том-то и дело, что не можем. Точнее, можем, но тогда в наших руках и впрямь может оказаться всего лишь «неисправная зажигалка». Если ты обещаешь не изображать из

себя голодную гадюку, я, пожалуй, кое-что тебе расскажу. Ты помнишь, при каких обстоятельствах попал к тебе Ключ?

– Ну, помню... У эсэса убитого взяли.

– Так вот. Тот убитый был не просто эсэсовец. Он был сотрудником тайной организации Третьего Рейха «Аннанербе». Как попал к нему Ключ – сейчас вопрос десятый. Важно то, что они пытались его активировать.

Иван смотрел с непониманием.

– Активировать? Чего активировать?

– Ключ. Ключ от Звездного Пути.

Иван рассмеялся.

– Послушайте... гм... гражданочка, зачем вы забиваете мне баки всякой ерундой? Скажи сразу – папино наследство, антикварная вещь – я бы понял...

Королева смотрит холодно.

– Я всегда говорю правду, если это возможно. Вчера Тамиона предложила тебе немалую сумму – десять тысяч рублей. Что ты ответил? Хорошо, если ты согласен... Какая сумма устроит тебя?

– Миллион – усмехнулся Иван.

– Не проблема. По рукам?

Иван с изумлением смотрел на королеву. Неужели и впрямь такая ценная вещь?

– А если я попрошу десять миллионов?

– Не проблема. Другой вопрос, что ты будешь делать с такой массой денег...

Иван задумался. Дело становилось все интереснее.

– Нет, гражданочка. Не продажная вещь. Подарок погибшего друга. Память, если вам это понятно.

Королева смотрит непроницаемо.

– Хорошо. Тогда что тебе нужно?

Иван поморщился.

– Да ничего мне от вас не нужно.

– Не говори ерунды. Пока человек жив, ему всегда что-то нужно. Новые сапоги, к примеру, или власть над миром. Я предлагаю тебе сделку – ты отдаешь нам Ключ, добровольно и сознательно, а мы исполняем твоё желание.

Иван рассмеялся.

– Любое?

Королева смотрит невозмутимо.

– Ну, если ты не попросишь Луну с неба.

Иван снова усмехнулся.

– Мое желание вам не под силу... Ваше Величество.

Королева смотрит пронзительно.

– Я смогу. А вот сможешь ли ты?

Иван облизал разом пересохшие губы. Неужели?... Не может быть!.. Все тебе прощу, все отдам, только верни ее, слышишь!!!

За столом произошло некое слитное движение. Вроде ничего, и в то же время все как бы разом переменили позы. Королева чуть подалась вперед.

– Ты сам понимаешь, чего просишь? **Да знаешь ли ты, что такое жить с навкой?**

Иван рухнул на колени.

– Гражданочка... Дорогой товарищ... Ваше Величество... Ни о чем больше не попрошу вас, и все отдам, все сделаю, клянусь, верните мою Машу!

Королева смотрит задумчиво, и в глубине огромных изумрудных глаз клубится мудрая печаль.

– Нам очень нужен Ключ. Я принимаю твое условие.

Она встала во весь рост.

– У меня же условие только одно. Пока ты не передал Ключ, ты не должен покидать этот дом. Поверь, это очень опасно.

* * *

– Да почему? Почему ты не хочешь отдать нам Ключ на хранение?

Киннор смотрел на Ивана пронзительно, нервно сплетая пальцы. Иван помотал головой.

– Нет, ребята, так дела не делаются.

Эльф откинулся на спинку дивана.

– Ты думаешь, мы тебя обманем? Да пойми, нам это невыгодно. Условия договора будут нарушены, и какой тогда смысл? Тогда уж проще было бы его украсть, или просто отнять. Пока ты не произнесешь фразу: «Я, такой-то и такой-то, находясь в ясном уме и твердой памяти, передаю Ключ во владение Королеве Элоре Звездный Свет», передача Ключа не произойдет.

Киннор встал, подошел к окну.

– Сейчас Ключ заблокирован. Собственно, он заблокировался сразу после утраты, таково свойство любого Ключа. Хозяин может снять блокировку, но только истинный хозяин. Собственно, этот Ключ может использовать по назначению только королева Элора, и никто больше, хоть даже сам король Эльмер. И если бы не усилия деятелей «Аннанербе»...

– У Сашки же чуть не получилось... прикурить... – с сомнением произнес Иван. Эльф поморщился.

– Я не имел в виду использование Ключа в качестве зажигалки. Спонтанный выброс энергии может быть инициирован и такими, прости меня, дурнями вроде тебя.

Эльф отошел от окна, взял со стола высокий узкогорлый серебряный кувшин, налил себе в хрустальный высокий стакан. Вино? Вроде не похоже...

– Гранатовый сок. Если хочешь, налей себе сам.

Иван усмехнулся.

– Спасибо, перебуюсь. Так что там с этой... «Аннанербе»?

– В «Аннанербе» явно пытались снять блокировку Ключа, и неоднократно. А Ключ устроен так, что допускает лишь ограниченное количество попыток – конкретно этот Ключ только семь. На восьмой попытке он необратимо выйдет из строя. Кстати, любая несанкционированная смена владельца оценивается Ключом как очередная попытка взлома.

Киннор повернулся к Ивану.

– Мы не можем рисковать, так как не знаем, сколько раз эти... пытались разблокировать Ключ. Ключ явно жив, так как мы его запеленговали. Но если ты не передашь его по всей форме – не по принуждению, не под гипнозом, а именно и только в твердом уме и ясной памяти, может произойти непоправимое.

Иван тоже встал, подошел к окну.

– Все это понятно. Непонятно одно – почему Ключ не может находиться у меня в кармане. Ведь я здесь, и я не собираюсь убегать, ни при каких условиях...

– Да потому, что за Ключом охотятся. Ты не задумывался, как оказался Ключ у агентов «Аннанербе»? Они нашли его, запеленговали, как и мы.

– Фашистская Германия разгромлена. Какая теперь к чертям «Аннанербе»?

– Это ты так думаешь. И кроме того, есть и другие... претенденты. Тебе известно, что в вашем НКВД существует аналогичное подразделение?

Иван захлопал глазами.

– Нашим-то он зачем?

– Затем же, зачем и ихним. Вероятно, они желают воспользоваться Звездным Путем, дабы нести идеи пролетарской революции во Вселенную.

Иван искоса взглянул на эльфа. Не любит, ох, не любит, контра, пролетарскую революцию...

Эльф сухо рассмеялся.

– К счастью, это не опасно для Вселенной. С таким же успехом какие-нибудь дикари-людоеды могли бы попытаться воспользоваться захваченным самолетом, чтобы прилететь в Москву и установить здесь первобытнообщинный строй.

Он внезапно помрачнел. Даже глаза потемнели, как синее море перед бурей.

– Но ваши охотники из НКВД – пустяки, как и «Аннанербе». Есть еще «черные хранители». Вот это по-настоящему опасно.

Иван молчал, пытаясь переварить все услышанное. Надо же, сколько всего наворотилось вокруг крохотной безделушки. Эльфы, «Аннанербе» эта, плюс родное НКВД, да еще какие-то «черные хранители»... Кстати, кто такие? Тайная секта?

– Нет, не секта – услышал его мысль эльф – они не люди, и не эльфы. Они вообще неизвестно кто. Нет даже доказательств, что это живые существа – я лично в это не верю, слишком много фактов против. У них нет агентурной сети, как у НКВД, сотен тысяч осведомителей и дивизий автоматчиков. Но они гораздо опаснее, и скорее всего, именно они вычислят местонахождение Ключа первыми. Здесь, в этом доме, нам от них не отбиться.

– А если его положить, ну скажем, в железный ящик? Мне помнится, радио не берет через металл.

На лице Киннора отразилось изумление.

– При чем тут радио? Разве я говорил про радио?

Эльф подошел вплотную.

– Отдай, прошу тебя. Мы спрячем Ключ в надежном месте, где его никто не найдет. И сами будем в безопасности, так как они не смогут выйти на нас по пеленгу Ключа. А когда... все кончится, мы вернем ключ, и ты передашь его королеве Элоре лично. Отдай!

Иван медленно покачал головой.

– Мне надо подумать.

Тонкая нежная кожа на точеном лице вздулась желваками на скулах.

– Думай. Если умеешь.

* * *

– Ваш обед, товарищ старший сержант.

Тамиона швырнула ему тарелку под нос, не глядя. В тарелке горой дымила пшенная каша на воде. Иван усмехнулся. Сами лососину с апельсинами трескают...

– Мне показалось, что совесть не позволяет товарищу употреблять такие продукты, в то время, когда вся страна, как один человек, упорно голодает.

Они сидели на просторной кухне, являвшей собой необычное, какое-то эклектическое сборище, где на нормальных кухонных столах и полках вперемешку соседствовали деревенские чугунки и невиданно изящные предметы, хрустальные вазы, фарфоровые блюда и еще более экзотическая утварь, живо напоминавшая Ивану школьную лабораторию. В довершение в углу, как раз напротив русской печки, невиданным экзотическим цветком высился умывальный, уместный разве что во дворце. Эльфы... Кто бы мог подумать, что детские сказки, да не просто детские – буржуйские детские сказки, которые советским детям и знать-то не пристало, оживут в полуразрушенном войной русском городке таким неожиданно диким образом. Надо же – бессмертные прекрасные существа, воплощенное совершенство... Само

собой, такие на фронт не пойдут, и у станков стоять не станут. Пока вся страна воевала, эти жрали тут икру...

Иван оборвал сам себя. Все это лабуда. Если эта их королева действительно сделает то, что обещала, Иван готов простить им все, все что угодно – и отсидку в тылу, и икру, и даже расплавленный свинец во внутренностях. Все что угодно.

Тамиона передвигалась по кухне неуловимо-стремительно, на ходу что-то переставляя, протирая и прибирая. Сегодня на ней было синее платье с открытыми плечами, скорее сарафан. Помимо воли Иван залюбовался ее движениями. За версту видать – хорошая хозяйка...

– Верно, дорогая товарищ Тамиона. Не представляю, как можно спокойно жрать икру и апельсины, когда дети пухнут с голоду.

– Чьи дети? – Тамиона достала из белого шкафчика здоровенный кусок мяса, покрытый инеем, сунула его в кастрюльку необычной формы, похожую на автоклав, стоящую на столе. С лязгом захлопнула крышку, повернула какие-то штуковины.

– Да уж ясно, не ваши.

– Верно, мои не голодают и не будут, хотя у меня их трое, и будут еще, не сомневайся.

А почему вы вашим детям не даете апельсинов и икры?

Иван поперхнулся, закашлялся.

– Не любите вы людей, гражданочка.

Тамиона коротко рассмеялась.

– Каких именно? Если имеется в виду вот этот конкретно старший сержант – то да.

Иван тщательно пережевывал кашу. Еще и обижается. Вообще-то да, вчера он не очень... Но сама виновата, нечего было под шкуру лезть, когда у человека горе.

– Я готов извиниться за вчерашнее.

– За что именно?

– За все.

– Твои извинения не приняты.

– Погоди...

– Нет, это ты погоди – Тамиона встала перед ним, сверкая глазами – За тот эпизод в скверике я не в претензии – во-первых, действительно сама виновата, грубая работа, а во-вторых, хам получил свое, и мы в расчете. Но дело не во мне – ты посмел оскорбить королеву.

Она вдруг взяла его за подбородок неожиданно крепкими пальцами, вздернув голову. Иван попытался перехватить ее руку, но своя собственная рука неожиданно повисла плетью, будто онемела. То же случилось и со второй рукой. Лазурные глаза смотрели в упор, полыхая огнем.

– Кто ты такой, ничтожный эфемерский ублюдок, чтобы оскорблять королеву Элору? Знаешь ли ты, что она живет на свете почти шестьсот ваших лет? Знаешь ли ты, что она способна видеть все, что было, есть и будет? Знаешь ли ты, что она родила и воспитала девятнадцать детей, и не каких-то там эфемерских – настоящих бессмертных эльфов? Знаешь ли ты, что за время их правления с королем Эльмером ни один эльф не погиб безвозвратно? Кто ты такой, чтобы безнаказанно оскорблять ее, я спрашиваю?!

Она отпустила его подбородок, брезгливо отряхнув пальцы, переместилась к раковине, поставила руку под изогнутый в виде лебединой шеи кран – вода полилась сама. Иван угрюмо молчал, наблюдая, как она моет руки. В его собственные руки жизнь возвращалась мурашками, будто он и в самом деле отлежал их.

– Я же сказал, что готов принести извинения, сегодня же. Я же не знал ничего...

– Готов, ну конечно же готов, ну конечно же не знал. Только и это еще пустяки.

Тамиона снова неуловимо-стремительно переместилась к столу, двумя взмахами руки отвернула крышку диковинной кастрюли, извлекла кусок мяса. Иван мог поклясться, что

три минуты назад мясо было сырым и мерзлым, сейчас же на разделочной доске лежал кусок отварной телятины, причем холодной – Тамиона уже шинковала ее мелкими ломтиками.

– В конце концов, слова – это только слова, ладно. Перейдем к делам. В твои руки попадает вещь, тебе никоим образом не принадлежащая, совершенно случайно. Тебя находят хозяева этой вещи и просят вернуть за вознаграждение. За неслыханное вознаграждение, заметь – любое желание. Что делаешь ты? Почувствовав власть и используя момент, ты берешь хозяев за горло. Хозяйку, скажем точнее.

Иван давно забыл про кашу, сиротливо стывшую на столе. Он наблюдал, как перед Тамионой словно по волшебству образуются разнообразные блюда, аппетитные и причудливо украшенные – кухарка хоть куда...

– Кругом полным-полно безмужних женщин и девушек, а тебе только двадцать лет с мелочью – для эфемера в самый раз. Сам не можешь найти? Хорошо, попросил бы королеву Элору, через сутки имел бы такую... Любую! Но ты требуешь то, чего нельзя требовать в принципе – тебе, видите ли, нужна навка, только навка и никто более! Да знаешь ли ты, несчастный, во что ты впутал королеву, и во что впутался сам?

Иван встал, пристально глядя ей в глаза. Только без хамства...

– Все сказала? Теперь послушай меня. Тебе известно, что такое любовь?

– Гораздо лучше, чем тебе – Тамиона трянула головой, дунула, отбрасывая растрепавшийся локон.

– Возможно. А известно ли тебе, что такое смерть? Теряла ли ты родных и близких?

– Как говорится, Бог миловал.

– Понятно. Тогда дальнейший базар смысла не имеет.

На сей раз Иван выдержал ее взгляд совершенно спокойно. Ему вдруг вспомнился точно такой же взгляд, и даже глаза были тоже голубыми. Немец холодно-ненавидяще смотрел на него, а рука быстрым уверенным движением вставляла рожок автомата. Он даже успел передернуть затвор, тот немец, но нажать на курок уже не успел.

Хватит. Никакой вины за собой он более не чувствовал. Возможно, тот немец тоже считал его в чем-то виноватым – это его дело.

Какой смысл разговаривать с существом, не имеющим понятия о смерти? С существом бессмертным и прекрасным, внешне очень похожим на человека. Как мраморная статуя. Разве мраморная статуя способна понять, что это такое – потерять единственного своего человека, свою любовь?

– Спасибо за угощение – Иван повернулся и вышел из кухни, не заботясь более о производимом впечатлении. Да по х...й!

* * *

Рассохшиеся ступеньки заскрипели под тяжестью шагов, словно жалуюсь: «Охо-хо... Старость – не радость...» Не провалятся, часом? Да вроде нет, еще крепкие...

Иван бродил по дому, как привидение. До чего же мерзко ничего не делать. После вчерашней беседы Тамиона больше не удостоила его ни одним словом, всем своим видом давая понять – она считает его не более чем мебелью, совершенно ненужной, к тому же мебелью, способной к самостоятельному передвижению и оттого еще более нелепой. Другие эльфы тоже не докучали Ивану своей компанией, неожиданно появляясь и так же незаметно исчезая по каким-то своим таинственным делам. Условие не выходить из дому Иван соблюдал твердо, в остальном же ему была предоставлена полная свобода.

От нечего делать бывший старший сержант занялся исследованием дома. Начал он с залы, отделанной полированным мрамором и малахитом. Откуда в маленьком городке, пусть даже и в бывшем купеческом доме, такая немыслимая роскошь?

Иван подошел к стене вплотную, провел пальцами по стене и вздрогнул – кончики пальцев свободно погрузились в мрамор, ощутив под ним грубую побелку настоящей стены. Вон как... Стало быть, вся эта роскошь – призрак, иллюзия?

В остальных помещениях отделка оставалась прежней – нормальные, беленые известью комнаты, точнее, давно уже не беленые. Вот только среди старой рухляди там и сям встречались неожиданно изящные вещицы, часто непонятные, но нередко и обычные – например, мягкая широкая кровать, аккуратно застеленная белоснежным бельем, или зеркальный серебристый поднос с изумительным серебряным же кувшином и парой хрустальных бокалов на тонких ножках.

Старый, кирпичный дом еще дореволюционной постройки имел целых шесть комнат, плюс полуподвал с маленькими подслеповатыми оконцами, в которые вряд ли пролез бы даже десятилетний ребенок. Из подвала в узкий закуток между домами вела низенькая, но широкая потайная дверца, обитая толстым железом – Иван обнаружил этот лаз совершенно случайно. Другой выход, из дощатых пристроенных сеней за домом вел в огород. Наконец, прямо со двора наверх вел еще один вход, через высокое крыльцо. Последний, парадный вход вел в дом прямо с улицы. Как говорится, ходы-выходы на все четыре стороны.

Война обошла дом стороной. Дом, но не его обитателей. Похоже, до войны в этом доме жило немало народу, но кто-то еще не вернулся из эвакуации, кто-то с фронта, а кто-то не вернется уже никогда.

А куда ведет эта дверь, на чердак?

Иван осторожно потянул дверь на себя – закрыто... Толкнул, и дверь неожиданно легко распахнулась на две стороны, совершенно бесшумно. Иван взглянул на петли – они блестели свежей смазкой. Дверью явно пользовались.

На чердаке царил полумрак, прорезаемый узким лучом света, казавшимся осязаемым из-за обилия пыли. Какой-то хлам, обычный для чердаков...

Иван замер, ощутив, как разом взмокла спина. На полу стоял гроб. Натуральный открытый гроб (крышка валялась рядом) с натуральной покойницей.

Разом проснулись фронтальные рефлексы. На то, чтобы восстановить дыхание, ушло секунды три. Еще пара секунд ушла на то, чтобы оторвать от пола словно прибитые гвоздями ноги. Иван осторожно и бесшумно подошел ближе, держась так, будто у покойницы в рукаве был спрятан метательный нож.

Бабка, сморщенная и темная, как сушеный гриб, дышала медленно, глубоко и ровно, смиренно сложив морщинистые руки на груди. Ну ни хрена себе!

Изумление сержанта было столь велико, что пару минут он стоял неподвижно, силясь собрать разом разбежавшиеся мысли. Потом, так и не решившись побеспокоить «покойницу», начал медленно отступать к двери.

Иван пришел в себя только на лестнице. Дверь на чердак была уже закрыта – когда успел? – осторожно спустившись вниз по крутым ступенькам, Иван перевел дух и гулко откашлялся.

– Что-то не так? – Перед ним стоял эльф, вроде бы Таэль (Иван уже начал различать их понемногу).

Хм... Не так... Нет, если для эльфов спящие в гробах на чердаке старушки дело обычное, то все в порядке...

– Понятно – улыбнулся Таэль – ты обнаружил нашу квартирную хозяйку. Надеюсь, ты ее не разбудил?

* * *

– Вас просит к столу королева – Тамиона стояла перед ним с таким видом, что Ивану даже стало жалко ее. Так могла бы стоять принцесса крови, вынужденная поклониться в ноги грязному нищему.

– Передайте мое почтение королеве – отозвался Иван, продолжая бриться. Хорошие у фрицев все-таки бритвы, ничего не скажешь...

– Точнее, пожалуйста – теперь Тамиона сама напоминала Снежную королеву, так что сержанту даже показалось, что на волосах у него оседает иней.

– Прошу разъяснить: это приглашение или приказ?

– Это приглашение.

– В таком случае я вынужден отклонить его – Иван даже удивился, с какой легкостью перестроился на возвышенный слог, полузабытые книжные обороты из романов так и слетали с языка. С кем поведешься... – Я опасаясь, что мое присутствие нарушит процесс пищеварения вашего изысканного общества.

Тамиона молча повернулась и вышла. Иван вернулся к бритью. Пошли вы все...

Когда Таэль объяснил ему, спокойно и невозмутимо, что на чердаке спит хозяйка этого дома, Иван понял не сразу, а когда понял, с трудом сдержался, чтобы не врезать эльфу промеж глаз. Но Таэль смотрел по-прежнему невозмутимо, и Иван вдруг понял, что даже врезать не удастся – этот зверь Ивану просто не по зубам...

Все просто. Эльфы заняли этот дом, позавчера еще, а старушку погрузили в здоровый гипнотический сон, чтобы не путалась под ногами. На чердаке очень кстати оказался гроб, очевидно, припасенный бабкой на случай собственной кончины, куда и поместили бабулю, предварительно постелив какие-то мягкие тряпки.

Иван слушал, чувствуя, как сводит скулы от бешенства. Бабушка, выдержавшая фашистскую оккупацию, хозяйка дома, старый человек, выброшена на чердак, как ненужный хлам, а в ее доме хозяйничают новые оккупанты. Гады!

Иван повернулся и ушел, ни слова не говоря. Глаза бы не видели эти смазливые рожи... И дом покидать нельзя, уговор есть уговор. Бля!

Иван закончил бритье, еще раз оглядел себя в круглое зеркальце. Вообще-то зеркал в доме было предостаточно, красивых и больших, но ему почему-то не хотелось даже смотреть в эти зеркала. Достали, господа эльфы.

* * *

– Пойдем, тебя хочет видеть королева – в дверях стоял Киннор, как Иван уже понял, старший в охране королевы. А эти двое – Таэль и Диэль – его подчиненные.

– Это приглашение или приказ?

– На сей раз это приказ. Идем!

Иван молча поднялся, поправил ремень, гимнастерку. Находиться целыми днями в форме, в сапогах было мучительно неудобно, но он не мог позволить себе ходить босиком, расхристанным, перед этими... Скоро от меня будет нести, как от козла, мельком подумал Иван. Интересно, они сами моются, или выше этого?

В комнате, стены и потолок которой были сплошь покрыты янтарной мозаикой (Иван даже зажмурился, потряс головой – утром же еще ничего такого не было!) за столиком на резных ножках сидела королева Элора собственной персоной, одетая в изысканный деловой костюм – длинная светлая узкая юбка с разрезом, легкий жакет в тон, белая блузка. На столике стояли разнообразные предметы непонятного назначения – хрустальный шар на черной

подставке, молочно-белый шар на зеленой и аспидно-черный шар на золотой. На углу стояла совсем уже непонятного вида штуковина, стеклянная с виду крохотная этажерка из косо пересекающихся взаимно-перпендикулярных плоскостей. А перед Элорой стоял раскрытый планшет или толстый альбом, в черном вроде бы кожаном переплете, в котором королева чего-то делала своими длинными чуткими пальцами. Писала? Непохоже...

– Я приношу извинения за твой принудительный привод, но у меня просто нет времени. Ты пропустил завтрак. Ты отказался от обеда. Почему, позволь узнать?

Иван молчал. Как объяснить мраморным статуям? Поймут ли?

Пальцы королевы принялись порхать по раскрытому планшету – ни дать ни взять печатает на машинке.

– Мы отнюдь не мраморные. И понимаем гораздо больше, чем ты в состоянии себе представить. Ты считаешь, что мы жестоко обошлись с квартирной хозяйкой, так? Загляни на кухню и возвращайся. Иди!

Киннор посторонился, пропустив Ивана. Миновав полутемный коридор, сержант заглянул в кухню. На табуретке сидела старушка, уплетая что-то из глубокой чашки и рассказывая, а напротив сидела Тамиона, улыбаясь старушке ласково-сочувствующе. И ничего похожего на Снежную королеву. Иван сморгнул – видение сохранилось. Так...

Когда он вернулся, Киннор уже стоял рядом с королевой, пристально всматриваясь в раскрытый альбом-планшет. Королева щелкнула пальцами по обложке планшета, эльф молча кивнул. Чего они там видят? Карта у них там, что ли?

– Ну, увидел? Как видишь, хозяйка в порядке. Просто сразу не было времени заниматься гипнонастройкой. В данный момент старушка уверена, что была в деревне, меняла соль на картошку и яйца. Сейчас она немного прогуляется, разомнется, покажется соседям и справит естественные надобности. А потом... – королева замолчала, пальцы так и порхали по раскрытому планшету.

– Что? – не выдержал Иван.

Королева отвлеклась наконец от своего планшета. Изумрудные глаза смотрят в упор.

– А потом она снова ляжет отдыхать в свой уютный гроб, и будет спокойно спать до послезавтра. Тебе кажется, это жестоко?

– Да – Иван твердо выдержал взгляд Элоры – мне кажется, это жестоко.

– Я вынуждена с тобой не согласиться. Постоянное нахождение под гипнозом гораздо вреднее для старческого ума эфемеров, нежели здоровый сон. Или ты хотел бы, чтоб старушка растрезвонила соседкам про все это? – Элора обвела рукой вокруг – Скажу более – там есть еще крышка от этого гроба, ты должен был ее видеть. Так вот, вполне может так случиться, что эта крышка станет твоей постелью на пару-тройку дней. Я не оправдываюсь, просто сообщаю тебе истинное положение вещей. События, первопричиной которых ты стал, закручиваются что-то уж очень быстро. Тут будут происходить вещи, видеть которые тебе крайне нежелательно.

Стоявший на столе прибор, похожий на странную маленькую этажерку, вдруг ожил – по перекрещенным плоскостям побежали какие-то тени, заиграли размытые огни. В толще хрустального шара запрыгали искры, побежали, извиваясь, голубые огненные змейки.

– Пойми наконец – мы не люди. Мы эльфы. Перворожденные и Бессмертные. Возможно, мы и не добрые, но уж не злые точно. И мы не жестоки – всего лишь справедливы.

Королева пристально вглядывалась в планшет, снова щелкнула пальцем по откинутой крышке, метнув взгляд на Киннора. Эльф вгляделся, снова кивнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.